

Содержание

Пролог.....	9
1. Крестильный медальон.....	17
2. Ключ.....	33
3. Тетрадь со стихами.....	51
4. Свидетельство о рождении.....	77
5. Мешочек семян.....	95
6. Синий платок.....	117
7. Билет на поезд.....	133
8. Барометр.....	145
9. Конверт.....	165
Эпилог.....	179
Благодарности.....	197

Пролог

Мы с Папи* сдвинули мебель к стене и танцевали всю ночь напролет, обливаясь слезами. Так становилось легче. Моя дочь Нина проснулась и присоединилась к нам. Мы уже успели заразить ее этим вирусом. В тот день я не хотела оставлять Папи одного. Бабушка умерла, и у него больше ничего не осталось.

Запахавшись, я поднимаюсь пешком на Холм**, в одной руке сумка, в другой — спящая дочь. Я измучена горем, и вдруг мне кажется, что я — это моя бабушка, восемьдесят лет назад поднимавшаяся в Пиренеи. Дрожаящая. Потерянная. Оторванная от своей земли. Как я теперь — оторвана от нее.

Столько людей пришло почтить ее память, мы с Папи и половины из них не знали. Она унесла в могилу немало секретов, негодяйка... От этого мы почувствовали еще бóльшую гордость за то, что два первых места в ее сердце принадлежали нам.

* Папи (фр.) — дедушка, дедуля.

** Имеется в виду холм Монмартр (фр. La Butte Montmartre), самая высокая точка Парижа. Парижане называют его просто Холм. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Ноги болят. Сакре-Кёр, кажется, стала выше на пару этажей — как в те ночи, когда я возвращаюсь домой, слегка перебрав. Я останавливаюсь. Осталось метров шесть. Просто возьми и сделай, как говорила Абуэла*.

Я открываю дверь в квартиру, включаю свет, а там он. Комод. У меня дома. Посреди гостиной, которая служит и кухней тоже. Бабушка творит волшебство даже теперь, когда ее не стало. Я улыбаюсь. И плачу. И вдруг меня прошибает мысль: что мне делать с этим чертовым комодом? Тридцать квадратных метров — нам с Ниной хватает. Но делить их еще и с комодом будет непросто.

* * *

Мне было четыре года, когда в бабушкином доме появился загадочный предмет, вызывавший у нас столько жадного любопытства. Это событие так свежо в моей памяти, что кажется, будто и часа с тех пор не прошло. Мы с кузенами тысячу раз пытались заглянуть в комод, внутренний компас всегда безошибочно вел нас к проделкам, ящики всех цветов радуги притягивали как магнитом. В замок каждого из них были вставлены маленькие ключики, которые так и умоляли повернуть их, а из-за позолоченных металлических уголков ящики казались еще более недоступными. Но неизменно раздавался один из тех устрашающих пронзительных окриков, на которые

* Абуэла (исп. abuela) — бабушка.

была способна только бабушка. И мы бросались наутек. Очередная неудача обычно заканчивалась расширенным заседанием юных представителей нашей семьи, на котором мы строили гипотезы в области таинственной науки — бабушкологии.

— А что, если в желтом ящике моя фотография с сиамским близнецом, с моей сестрой, которая умерла во время операции, когда нас пытались разделить? Тогда стало бы понятно, откуда у меня шрам на голове...

У моего младшего кузена Максима были свои соображения насчет синего ящика:

— Думаю, Абуэла прячет там доказательство, что я — родной брат нашего кузена Янника. Я все время об этом думаю. Ведь я гораздо больше похож на него, чем на тебя. Когда ты родилась, у мамы возникли осложнения, она, наверное, стала бесплодной, вот меня и отдали ей, чтобы она не грустила.

Но наши вопросы о комодѣ оставались без ответа. В детстве я, пользуясь положением любимицы, просила, чтобы Абуэла открыла секрет, показала свои сокровища. Она с гордостью называла меня «мой подсолнушек». Но тут ничего не помогало. Последнее слово всегда оставалось за бабушкой, она все и всех подчиняла себе. Как и ее стряпня, она сначала неудержимо искушала, захватывала воображение, а затем душила своим пряным темпераментом. Но после еды во рту остается сладкий привкус, он успокаивает — ты уверена в том, что тебя горячо любят.

Я так долго ждала, что едва не умерла теперь, когда это все же случилось. Столько лет я умирала свое нетерпение, и наконец узнаю, почему бабушка так яростно оберегала секреты, хранившиеся в этих десяти ящиках. Она называла их: «тайники памяти».

Я уложила дочку спать. Нина так на нее похожа. Надеюсь, я буду такой же хорошей мамой, как моя. Я поставила пластинку Эннио Морриконе. Абуэла... Никто и никогда не называл ее иначе. Абуэла — это слово идеально подходило ее черным глазам и смуглой коже. Абуэла, глава мафии. В моей семье, из поколения в поколение, бабушку всегда называют «Абуэла».

Прохожу мимо комода, чтобы налить себе чая. Слезы и улыбка внезапно появляются на моем лице, как гости, которых обычно сажают подальше друг от друга. На кончиках пальцев рождается ощущение: мне восемь лет, и я переживаю целую гамму чувств — от лихорадочной зависти до уже подернутого грустью понимания, что вот-вот будет перевернута важная страница моей жизни. Во мне все клокочет. Я беру себя в руки. Сентименты — то, что она ненавидела всей душой. Я никогда не видела, чтобы она плакала, и знала, что ее любовь ко мне такая же крепко спаянная, как она сама. Какой была и я. Почти. Какой хотела быть.

В нашей семье говорили много и громко, но при этом ничего не могли друг другу сказать. Только раз Абуэла ответила на одно из множества моих «я люблю тебя». Она сказала: «Мы тоже тебя любим». Но я не переставала

повторять ей это. В конце концов мне даже понравилось, что говорю это только я. Любовь ко мне сочилась из всех ее пор, каждую секунду. Слова были не нужны. Как и нежные прикосновения. Иногда, не сводя с меня глаз, она гладила собаку. И всю полученную ласку собака радостно передавала мне.

Огромный дубовый комод, десять ящиков. Три не очень ровных ряда по три ящика, и еще один розовый ящичек в самом низу. Моя страсть ко всему запретному с годами не ослабела, кажется, вот-вот — и я суну руку в огонь. Я не свожу глаз с десятого ящика, самого маленького, которого тут быть не должно. С самого загадочного.

Не удержавшись, моя рука хватается за ключ. Голова кружится, когда я думаю о том, что сейчас увижу. Я медленно открываю ящик, наслаждаясь каждой секундой до того, как завеса тайны будет наконец поднята.

В ящике что-то есть, мои влажные дрожащие пальцы чувствуют его тяжесть. От бус из макарон до пепельницы из соленого теста — все мои шедевры тут. Она сохранила абсолютно все, что я для нее сделала. Экспонаты, достойные кунсткамеры, хранятся тут как настоящие сокровища. Воспоминания возвращаются. Я отступаю от комода, прохаживаюсь по комнате. Словно не готова пока отправиться в великое путешествие. Будем считать, что розовый ящик пока сказал достаточно.

Я достаю фотографию, где мы с кузенами стоим перед трейлером, который Папи и Абуэла каждое лето снимали

в кемпинге «Нарбонна-Пляж». Хитрые улыбки, радость жизни, светящаяся на наших лицах, — от них выцветшие краски будто становятся ярче. Мы были счастливы. Спали вшестером, валетом, в кровати бабушки и дедушки, и они, разумеется, вместе с нами, и никаких проблем. Напротив, когда кто-нибудь из нас вырастал и отправлялся на раскладушку, чтобы освободить место для младшего, это становилось настоящей трагедией. Абуэла и Папи были всей нашей жизнью. Особенно моей. В детстве рядом с ними я чувствовала себя в безопасности. Надеюсь, что я тоже смогла подарить им это ощущение, когда прожитые годы сделали их уязвимыми.

Абуэла была клеем, скреплявшим нашу семью. Кто-то скажет, что держать нас всех вместе в Марсейете*, в бетонной коробке-кафе, было не так уж здорово. Но если Абуэла решила, что это для тебя хорошо, ты уже ничего не мог поделать. Оставалось только смириться.

Краем глаза я смотрю на комод. В розовом ящике замечая конверт и узнаю старательный бабушкин почерк. А что, если их больше? Я начинаю догадываться...

Придется это сделать: начать с первого ящика, даже если нужно будет просидеть до самого утра. Я перевернула пластинку Морриконе. Уселась на пол перед комодом с цветными ящиками.

Что ж, теперь здесь только мы с тобой, Абуэла. Удиви меня. Снова.

* Городок на юге Франции.

1

Крестильный медальон

Вот, это мой крестильный медальон, *cariño**, в том путешествии он был моей единственной «ценностью». Мне повторяли: храни его как зеницу ока, и я чувствовала себя богачкой, потому что он был у меня. Я думала, что, продав его, смогу выпутаться из любой ситуации.

Меня крестили поздно по тем временам. А всё из-за моих родителей и их раздражающе передовых взглядов! Они ждали, когда я вырасту и сама выберу себе Бога. К счастью, в дело вмешались бабушка и дедушка, потому что я хотела быть как другие, как все мои близкие, хотела, чтобы Бог считал меня своей и защищал. Тот самый Бог, их Бог. Я отнеслась к крещению очень серьезно, да что я говорю, с необычайной торжественностью, маму это растрогало, отца рассмешило. На мне было красивое белое шелковое платье. У моей семьи было несколько тутовых рощ, где мы разводили шелковичных червей, и ткачи выручали нас, если было нужно. Однажды дедушка разорил одну рощу — сделал себе крылья из ветвей шелковиц. Нас всех позвали посмотреть, как он взлетит... но он упал на землю!

* Дорогая (исп.).

Попытка пообщаться с небесами провалилась и принесла ему только ужасную боль в правом бедре, которая осталась с ним на всю жизнь. Но это, *mi cielo**, уже другая история.

Вот, посмотри, на моем медальоне изображен Святой Христофор, покровитель путешественников. Забавно, ведь, впервые покидая Испанию, я отправлялась в ссылку. Конечный пункт — Франция. Хорошенькое путешествие! За неделю до отъезда мама пришила по крошечному кармашку ко всем нашим трусам. «Рита, на ночь надевай медальон на шею или на запястье, а по утрам убирай в кармашек на трусиках, которые будешь носить днем. Так он всегда будет с тобой, и никто его не отберет. Когда республиканцы победят, снова сможешь носить его и ничего не бояться». Не бояться чего? Я не успела спросить. Мама знала, что я никогда ничего не боялась. В этом я, кстати, была в родителей. Сесть на поезд во Францию было не бóльшим безумием, чем красться по ночам через лес, как это делали взрослые участники сопротивления. В то время мы, дети, играли не в ковбоев и индейцев, а во франкистов и республиканцев. Каждый хотел быть коммунистом, анархистом или социалистом, ведь они всегда побеждали. Да, республиканцами тогда называли все левые течения, объединившиеся против Франко и достигшие относительного согласия на пути к общей цели.

Мои родители любили друг друга так же сильно, как свою партию и родину. Они защищали свой язык, образ

* Здесь: милая (исп.).

жизни, обычаи, а также боевой дух, радикализм, граничащий с безумием, и мужество. Никто не мог отнять у них этого. Мама часто повторяла: «Каждый сам хозяин своей судьбы». Эту идею она подавала под разным соусом. Могла завершить этой фразой жаркую дискуссию, оставив слушателей в оцепенении, или оживить атмосферу за обеденным столом, когда не было других тем для разговора. О, с какой интонацией она всегда произносила это свое знаменитое: «Каждый сам хозяин своей судьбы»! И мы с сестрами чувствовали себя непобедимыми.

Вот уже несколько недель нам казалось, что наша семья теперь не так неуязвима. Выходя из дома, мама и папа постоянно озирались. Мы переехали в Барселону, к Анхелите и Хайме, нашим старым друзьям. Родители больше не работали, почти не показывали носа на улицу, они все время писали письма и устраивали собрания. Несколько раз в день уличные мальчишки за одну-две монетки приносили им какие-то документы, а взамен забирали другие. Мы с сестрами больше не ходили в школу. Некоторых детей похищали и отправляли в район позора в Аликанте, на перевоспитание в лагеря, где их мозг разбирали на части и собирали заново — чтобы они могли служить правительству*. Я бы лучше умерла!

* Во времена правления Франсиско Франко (1939–1975) была распространена практика изъятия детей из «неблагонадежных» семей. Существовали лагеря для «перевоспитания» детей республиканцев, диссидентов и инакомыслящих. Например, система Patronato de San Pablo — сеть приютов, где детей

Однажды вечером, когда мы возвращались после шествия *Día de los Reyes** с карманами, полными конфет, папа, как обычно, едва войдя в дом, включил радио. Голос из приемника вещал о заговоре и резне, о крови и Барселоне, и папа сказал, что пора нас переправить в безопасное место. Он сказал, остается меньше трех недель. Не нужно волноваться: мама и папа свергнут режим Франко, и мы вернемся домой. Нас отправят во Францию, это недалеко, там нет бомбежек и диктаторов, все будет в порядке. Анхелита и Хайме всю дорогу будут с нами, они и отвезут нас к *tío*** Пепе, который уже двадцать лет живет недалеко от моря, в Нарбонне. Мы никогда не слышали ни о *tío* Пепе, ни о Нарбонне. Никогда не слышали, чтобы дома говорили о Франции или по-французски. Никогда не покидали нашей страны. Но я ничего не боялась, потому что родители, даже во всей этой спешке, сделали все, чтобы приукрасить сценарий нашего будущего. Лучше верить в Санта-Клауса и потом огорчиться,

подвергали политической обработке, заставляя отречься от «красных» родителей. Аликанте (город на юго-востоке Испании) был оплотом республиканцев, и после Гражданской войны там массово сажали в тюрьмы противников режима. В некоторых лагерях заключенных держали на виду как «живое напоминание» о наказании за сопротивление.

* День Королей-волхвов, главный новогодний праздник в Испании, отмечается 6 января. Кульминация праздника — кавалькада волхвов (*Cabalgata de los Reyes Magos*), красочное шествие, во время которого «волхвы» и их помощники проезжают через город, разбрасывая конфеты и подарки.

** Дядя (исп.).

узнав, что его не существует, чем лишиться радости представлять себе все, что с ним связано, правда? Вот и здесь было так же. Ложь по любви, ложь для защиты, чтобы мы продержались хотя бы до Нарбонны.

Увидев на вокзале искаженные горем лица родителей, мы должны были что-то заподозрить. В Испании и за ее пределами за их головы была назначена награда. Они были приговорены и решили вместе покончить с собой. Одному богу известно, любил кто-нибудь еще друг друга так, как они.

Мы с сестрами справлялись как могли. Твоя двоюродная бабушка Леонора была самой старшей, это она открыла чемодан, когда мы приехали в Нарбонну, и нашла письмо от мамы и папы. Она читала его, и воспоминания потоком хлынули ей в лицо, и многое вдруг обрело новый смысл. Никогда не забуду ее взгляд. В нем ярость нашей матери сменялась невозмутимостью отца. Она хранила секрет до тех пор, пока Кармен не стала достаточно взрослой, чтобы тоже понять. Точнее, пока она не решила, что мы с Кармен обе достаточно взрослые. Только сейчас, рассказывая тебе об этом, я понимаю, какой силой обладала моя сестра. Она была так строга с нами, а я, забаррикадировавшись в своем подростковом гневе, часто обижалась на нее и была к ней несправедлива. Леонора была старше меня на шесть лет, Кармен — на четыре года младше. Мне было десять. Да, именно так, нам было шесть, десять и шестнадцать лет в тот день, когда мы в последний раз поцеловали родителей.

Поезд не дошел до Нарбонны. Нас высадили в Жироне*, дальше мы шли пешком. Нам пришлось уступить свои места солдатам, которые ехали на облаву в приграничные деревни. Республиканских активистов, пытавшихся покинуть страну, выслеживали, выдавали за деньги, бросали в тюрьму. А потом, когда тюрьмы переполнились и понадобилось место для новых заключенных...

Тогда я еще не понимала всего этого. Как только Леонора заметила, что мы с Кармен начинаем пугаться, она напомнила нам, что все это временно, хорошие республиканцы скоро прогонят злых франкистов. Хорошие парни всегда побеждают... И оп-ля, проблема решена: «*Tranquilo penas***, хороших снов». — «Ну, если все уже почти закончилось, ладно... спокойной ночи». Так легко уезжать, если не знаешь, что, возможно, никогда не вернешься.

Какое чувство свободы было в самом начале! В каком восторге были мы с Кармен! Столько солнца — казалось, в феврале наступило лето. Мы открывали для себя новый мир, сотни наших ровесников бежали вместе с нами через Пиренеи. Конечно, для Леоноры все было иначе. Она была сосредоточена, она знала, что нас ждет, или предвидела. Другие тоже. То, что говорили нам родители, никак не вязалось

* Город на северо-востоке Испании.

** «Спокойно, девочки» (исп.).

с тревогой на лицах взрослых, которых мы видели во время нашего путешествия, и я начала задумываться.

Когда половина пути осталась позади, наше с Кармен возбуждение заметно уменьшилось. Холод становился все ощутимее, усталость давила все сильнее, от ботинок отваливались подошвы. Гул людей, идущих друг за другом, плач младенцев и сдавленные причитания разносились по склонам горы.

В Лё-Буду* мужчин отделили от женщин и детей. Расставание с Хайме было ужасным. Беременная Анхелита рыдала от горя. Мы крепко обнимали ее, пытаясь успокоить, но все было напрасно. Кармен тоже плакала, сама не зная почему. Семьи вокруг нас разрывались на части, люди расставались, обливаясь слезами, не чувствуя укусов ледяного ветра, потому что боль в их сердцах была гораздо сильнее.

На границе всем сделали какие-то уколы. Никто не спрашивал зачем — от холода и голода нас всех охватило бесчувствие. Мы так и не узнали, что это было. Мы с сестрами оказались далеко не в худшем положении: мама положила в чемодан толстые шерстяные свитера и по паре новых ботинок для каждой из нас. Но тревога перед неизвестностью росла, особенно теперь, когда с нами не было нашего единственного мужчины. Если мы скоро вернемся домой, почему все в нашей группе так напуганы и печальны? Точнее было бы сказать — в нашем

* Городок на юге Франции.

стаде, потому что и французские, и испанские власти обращались с нами как со скотом.

Мы прошли сто пятьдесят километров, за это время волонтеры Красного Креста дважды привозили нам воду и немного еды. В Лё-Булу одна старушка дала Кармен маленькую коробочку с *mantecados** и *dedos de bruja***. Так странно: печенье было очень похоже на то, что пекла моя Абуэла — за несколько месяцев до того, как умерла от рака желудка. Когда маму спрашивали, от чего умерла Абуэла, она, сдерживая ярость, отвечала: «Моя мать не смогла пережить того, что ее народ позволил негодяям захватить нашу землю». Вот так.

Эти слова многих напугали, никто ведь не думал, что от такого можно умереть. Вон оно что, наша старушка умерла из-за своих убеждений, а вовсе не от того, что постепенно захватывает все больше места и побеждает, как бы ты ни сопротивлялся, — совсем как этот *malparido**** Каудильо****.

Блеск коробки с печеньем отражался в повеселевших глазах моей младшей сестры. Так трогательно было видеть это посреди всего того отчаяния, что нас окружало. Мы с Леонорой понимающе улыбнулись друг другу — в первый и последний раз за время нашего пути. Она

* Рождественское песочное печенье.

** Печенье в виде «пальцев ведьмы».

*** Ублюдок (исп.).

**** В 1939–1975 годах — официальный титул главы государства в Испании.

не хотела, чтобы я видела ее страх, а я не хотела признавать ее власть. В конце концов, она не была моей матерью. Кармен сначала не хотела делиться. Это ведь ей подарили. И неважно, хотели мы есть или нет, рассчитывать на ее печенье нам не приходилось. Она и сама не сразу набросилась на свое сокровище, несмотря на то что в животе у нее урчало от голода. Мы были в пути уже два дня, и бутерброды, которые дала нам мама, давно закончились, как и печенье от Красного Креста.

Но, пройдя сто пятьдесят километров, мы стали старше на несколько лет, и Кармен сама решила разделить свою добычу поровну. Мы с Леонорой настаивали, чтобы она оставила себе побольше, повторяя мамины слова о том, что она еще растет, и уверяли, что нам не так уж хочется есть. Но она не послушалась. Еще два месяца назад я бы без всяких угрызений совести схватила Кармен за руку, чтобы отобрать у нее печенье, а она с невероятной изобретательностью прятала бы его от сестры-обжоры. Но не теперь...

В нашей группе было человек сто, рядом с нами текла настоящая человеческая река — словно тысячи муравьев, храбрых и уязвимых, измученных холодом и тяжестью поклажи, но полных решимости.

В Аржелес* мы прибыли ночью. Какой же тогда был свинячий холод! То есть собачий! Простите... Я не очень

* Концентрационный лагерь Аржелес для испанских республиканских беженцев был создан в начале февраля 1939 года на пляже французского города Аржелес-сюр-Мер.

понимала, почему огромный, огороженный колючей проволокой загон на берегу называется лагерем. Я-то, когда в Сербере* впервые услышала слово «лагерь», представила себе что-то вроде гигантского кемпинга. Но это огромное песчаное пространство больше напоминало место, где люди ждут смерти: около пятидесяти разбросанных по берегу бараков, шатких, как соломенный домик самого ленивого поросенка, несколько уличных жаровен и обступившие их призрачные фигуры. Там почти ничего не было — только тела, истрепанные ветром, измученные голодом, только души, истерзанные воспоминаниями и потерями.

Нас встретили четыре медсестры с охапками мешков из джута в руках. Эти женщины были добрыми и заботливыми и пытались помочь, несмотря на огромный наплыв людей. Как тепло нам стало от их внезапной доброты после долгого пути, на протяжении которого с нами обращались как с побежденными! Возможно, именно в этот момент и родилось призвание Леоноры. Каждая семья получила два одеяла, буханку хлеба и маленькую канистру с водой, почти превратившейся в лед. Нас разместили в бараке, где на полу уже лежало человек тридцать, таких же измученных, как и мы. Те француженки были добрыми. Мы чувствовали это, хотя не понимали ни слова. Мы заняли место рядом с беременной женщиной, живот у нее был еще больше, чем у Анхелиты. Они прижались

* Городок на юге Франции.

друг к другу, а я улеглась под боком у Анхелиты и гладила ее живот, чтобы успокоить малыша. Их животы были похожи на два яйца динозавра в гнезде из тряпок. Леонора разрезала хлеб на четыре части, никто из нас даже не подумал оставить хоть что-то про запас. Кармен заснула, не доев. Крыша над головой — пусть и грозившая вот-вот сорваться и улететь, пусть под ней и пахло грязными людьми, изнуренными долгой дорогой, — успокоила ее.

Всю ночь мне снилась мамина *fideuá**. Я чувствовала во рту *el socarrat*** . Знаешь, ту поджаристую корочку, которая остается на дне кастрюли, полной риса для паэльки или лапши для фидеуа. Хрустящую, пропитанную соками. Очень вкусную. Я так боролась с чувством голода, пока была в сознании, что оно стало наступать меня во сне. Просыпаться после такого было еще тяжелее.

Я открыла глаза с первыми лучами солнца. Дома мы обычно запирались от этой палящей громадины, скрывались, пережидая самые знойные часы, когда ее яростный жар угрожал нашей коже. И вот впервые оно могло стать нашим защитником, а не тем, от кого нужно прятаться, впервые оно могло бросить вызов холоду, который заставлял нас съезживаться, впервые могло обратить на него свою обжигающую мощь... *¡Соño!**** Предатель!

* Фидеуа — блюдо из морепродуктов, похожее на паэлью, с лапшой вместо риса.

** Тонкий поджаренный слой, который остается на дне сковороды после приготовления блюда.

*** Здесь: Какого черта? (исп.)

Я вдруг заметила, как исхудала Кармен. Всего семьдесят два часа, а ее и без того хрупкая фигурка приобрела болезненный вид. Моей младшей сестре было всего шесть лет, а под глазами у нее уже появились темные круги. Синяки под глазами! Как это возможно? Я осматривалась по сторонам и видела исхудавшие лица, обтянутые кожей го́ловы, неловко прилаженные к истощенным телам. Как долго эти люди находятся здесь? Сколько они прошли? И ради чего? Разве можно считать, что ты в безопасности, если оторван от семьи и сидишь на холодном песке?

Я чувствовала, как во мне нарастает гнев. На родителей, на Леонору, на что-то, чего я не могла назвать, но ком ненависти в моем животе увеличивался с каждой секундой. Думаю, именно в этот момент я поняла: нет, это не пустяки; нет, это не временно. Нет. Я поняла, что вся моя жизнь отныне будет написана красными чернилами тех нескольких дней.

Красный Крест связался с *tío* Пепе. Беженцы могли покинуть лагерь, только если кто-то из граждан Франции подтверждал, что примет их у себя. Дядя согласился, и мы сели на поезд до Нарбонны. Теперь я жалею об этом. Нужно было остаться. Когда мы уходили из лагеря, мне казалось, что я бросаю тех, кто продолжал находиться в заточении. Если бы я осталась, я могла бы помогать, приносить пользу, ухаживать за больными. Но я выбрала другое — слушаться указаний папы и мамы, спасти свою шкуру, подчиняться. Стыд преследовал меня всю дорогу, прогоняя радость, которая закрадывалась в мое сердце

при мысли о том, что теперь у нас будет настоящий дом. То неприятное ощущение, то чувство вины до сих пор иногда возвращается ко мне во сне и преследует потом весь день.

Анхелита осталась в лагере. Она надеялась перед отъездом найти там Хайме — на следующий день должны были приехать повозки за будущими матерями и отвезти их в Эльн*, где им предстояло рожать. Мы не хотели ее оставлять. Кто о ней позаботится? Одна медсестра, говорившая и по-французски, и по-испански, объяснила нам, что в Эльне Анхелите будет лучше, чем в любом другом месте. Одна швейцарка организовала там место, где женщинам и детям будет безопасно. Родильный дом, да, но не только. Убежище, тихая гавань. Она рассказывала так, что мы ей верили. А может быть, нам просто впервые говорили правду, и мы это чувствовали. Ее слова успокоили нас, и прощание было не таким ужасным. Леонора дала Анхелите номер *tío* Пепе. Мама говорила: на всякий случай. Никогда не знаешь, что тебе понадобится. Как же она была права...

* Город на юге Франции.

2

Ключ

На вокзале в Нарбонне вышли не только мы с сестрами. Вместе с нами поезд покинула примерно четверть пассажиров. Это успокаивало. Но большинство людей отступали в сторону, когда мы проходили мимо. На нас смотрели как на диковинных зверушек, а может быть, как на захватчиков, не знаю. Теперь-то я понимаю. Отчасти. Страшно, наверное, узнать, что на твоей земле внезапно появились четыреста тысяч голодных ртов.

В моей памяти остались две фразы, которых я тогда не поняла, но французы все время повторяли их, и я запомнила. Иногда выкрикивали, иногда говорили вполголоса: «*Espagnols de merde. Ils sont sales, ils puent*»*. Скажу тебе, мы быстро научились понимать эти слова и до нас почти сразу дошло, что чудесная жизнь в городке у моря, которую так расхваливали родители, начнется не прямо сейчас.

Но оставался еще *tío* Пепе. Если он такой же, как двое его братьев, подумала я, будет весело. Вот только

* Чертовы испанцы. Они грязные, от них воняет (фр.).

tío Пепе был теперь французом, он пользовался некоторой известностью, и ему не хотелось, чтобы его видели вместе с нами, не говоря уж о том, чтобы взять нас к себе в дом. Он отвез нас в так называемый цыганский квартал в Нарбонне, ну ты знаешь, напротив барахолки. Остановившись у самого высокого и облезлого здания, он свистнул, и в окне шестого этажа появилась сорокалетняя красавица. Ему не пришлось ничего говорить. Женщина крикнула:

— *¡A ver si me queda algo!**

Несколько минут спустя она выглянула снова:

— *¡Sube!***

Когда я перестала таращиться наверх и отвела взгляд от неба и от окна, tío Пепе уже испарился, только маленький ключик поблескивал на земле. Я незаметно подобрала его и вслед за сестрами вошла в дом. От чего был этот ключ, я так и не узнала. Хотя нет, узнала. Этот ключ открывал новую главу моей жизни, а еще он наглухо запер все, что в ней было до сих пор. Потом он как-то сам собой оказался на цепочке вместе с крестильным медальоном и ударялся о него или скользил по нему, в зависимости от того, как быстро я шла. Так же поступала со мной и жизнь, напоминая, что нетерпеливость — мой враг.

* Посмотрю, что у меня осталось! (исп.)

** Поднимайтесь! (исп.)

*iAy, Dios!** На каждом этаже мне казалось, что мы вот-вот провалимся сквозь пол и снова окажемся на крыльце. Я крепко сжимала медальон, он придавал мне храбрости. В доме царило бешеное оживление. Все, кто попадался нам навстречу, выглядели уверенными, как будто с ними не могло случиться ничего плохого. И никто не сидел без дела.

— *iHola amores!*** — раздался голос.

Мы переглянулись. Кто это? Мужчина? Женщина? Кажется, и то и другое. Грудь, макияж и прическа явно принадлежали женщине, но огромные руки и ноги говорили о другом.

— *iHola!**** Вы взяли с собой игрушки, когда уезжали? — Милая белокурая девочка следовала за нами по пятам с удивительной для ее возраста целеустремленностью.

«Игрушки, вот еще!» — подумала я. Мы ведь не прика-тили сюда с комфортом в чудесной машине с чудесными кожаными чемоданами, в которые поместилась бы вся наша чудесная жизнь! Я кипела от возмущения, но вдруг заметила, что все лицо, и шея, и руки у этой малявки покрыты шрамами. Позже я узнала, что Луизе было всего шесть лет, когда она сбежала из исправительного лагеря

* Боже! (исп.)

** Здравствуйте, милые! (исп.)

*** Привет! (исп.)